ЎзССР Фанлар Академиясининг Ахбороти
Известия Академии Наук УзССР
1951, № 1

Член-корр. АН УзССР А. А. СЕМЕНОВ

К ИСТОРИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ СНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И БУХАРОЙ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

История сношений России московского и даже царского периодов со среднеазиатскими ханствами все еще остается неясной, хотя и имеются труды, посвященные этим ханствам по так называемым „частным и общим темам" (вроде походов, путешествий, описаний, наказов посольствам, отдельным послам и т. п.). В таких трудах нередко помещаются сведения, а иногда и документальные данные, о дипломатических сношениях России со среднеазиатскими ханствами. Специальный же труд дипломата С. В. Жуковского „Сношение России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие"[1], хотя и составлен на основе очень многих печатных, главным образом русских, трудов и, по словам автора, также „Секретных дел и документов архива Министерства иностранных дел" (стр. XII „Предисловия"), тем не менее в этой книге, несомненно, многое отсутствует.

Кроме того, нигде не имеется ссылки ни на один документ архивного характера, и остается неизвестным, за какой период и какие именно архивные материалы использованы автором.

Хотя автор ознакомился также с некоторыми делами Московского главного архива Министерства иностранных дел, но, как он пишет, „по техническим соображениям" не внес данных, извлеченных из этих дел, в свою книгу. Не мудрено поэтому, что акад. В. В. Бартольд отрицательно отозвался о книге С. В. Жуковского, хотя в конце концов и признал, что, несмотря на все свои недостатки, книга эта „все-таки может быть признана полезным приобретением для небогатой русской литературы о Средней Азии"[2].

Несомненно, у нас имеется очень много „неоткрытых" еще материалов по дипломатическим сношениям России со среднеазиатскими ханствами как в недрах бесчисленных архивных дел бывш. посольского приказа Московской Руси и Министерства иностранных дел царской России, так и в совсем не изученных исторических памятниках и дипломатических актах среднеазиатского происхождения. Пока же наши сведения по данному вопросу ограничены случайными „находками" подобного рода материалов.

Акад. Бартольд, например, заинтересовался таким, казалось бы, незначительным материалом, как случайно найденная им запись о русском посольстве царя Федора Иоановича (1584—1598) „Или в

---

[1] С. В. Жуковский, Сношение России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие, Труды Общества русских ориенталистов, № 2, Птгр., 1915.

[2] В. В. Бартольд, Рецензия в Записках восточного отделения императорского российского археологического общества, том XXII, Птгр., 1915, стр. 341—343.

Персию или в Среднюю Азию" в рукописи Ленинградского университета за инв. № 0.157 Матла' ас-Садайн Абдурраззака Самаркандского; запись сделана одним из прежних владельцев рукописи[1]. В статье, посвященной этой записи, акад. Бартольд попутно привел сведения о русском посольстве в 1594 г. к шаху Аббасу, встреченные им в известном труде Искандера-мунши Тарих-и Алемара-и Аббаси.

Трудности, стоящие на пути исследователя местных источников, немалые. Исторические памятники, в подавляющем большинстве существующие лишь в рукописях, надо внимательно прочитать в оригиналах (их полных переводов в печати не существует), чтобы сказать определенно, есть или нет в этом историческом сочинении что-либо, имеющее отношение к дипломатическим сношениям данного государства с другими странами.

Так как в бывш. среднеазиатских ханствах, в частности в бухарском, отсутствовали архивы, ознакомление с разного рода дипломатическими и прочими актами этих ханств очень затруднено. В руки исследователей могут попасть или бессвязные документы того или иного сановника, или случайно уцелевшие акты, касающиеся определенных лиц, или, наконец, акты, вшитые в дела различных учреждений Туркестанского края за время царизма. Но при такой случайности и отрывочности местного архивного материала, в среде бухарских и кокандских чиновников, главным образом у личных секретарей (муншиев) эмиров и ханов, у делопроизводителей (мирз) видных сановников (верховных судей, куш-бегиев и др.), существовал похвальный обычай подбирать, хранить или переписывать наиболее, по их мнению, образцовые по своему стилю акты, примечательные в историческом отношении письма и грамоты, и составлять из всего этого сборники, в которые нередко включали и то, что составляли сами от имени того или иного владетеля или наместника. Получались очень интересные и важные для науки собрания разных деловых бумаг, обозначавшиеся общим термином мунша ат или инша ат, т. е. письма, переписка. Кстати, эти сборники служили для местных секретарей и делопроизводителей пособием, как составлять правительственные, а иногда и частные бумаги.

Занимаясь описанием восточных рукописей богатейшего рукописехранилища Института восточных рукописей АН УзССР, а равно переводами и изучением сочинений, относящихся к XVI—XIX вв. истории Средней Азии, мы нашли два документа из истории сношений бухарского эмира Хайдара (1215/1800—1242/1826) с императором Александром I. Один из этих документов относится к разряду дипломатических актов, второй — представляет описание современником въезда в Бухару русского посольства.

Письмо эмира Хайдара помещено в одном из сборников разных деловых писем и указов, хранящемся в Институте востоковедения АН УзССР за инв. № 289. Составлен сборник, повидимому, личным секретарем эмира Хайдара, Мирек-Шах „мунши'ем", который включил в него множество самых разнообразных дипломатических актов правительственно-административного характера, исходивших

[1] В. В. Бартольд, „Запись о русском посольстве в персидской рукописи" Известиях императорской Академии Наук за 1914 г., стр. 365—367.

от разных исторических лиц Ближнего Востока, главным образом Средней Азии. В этот сборник вошли также и акты, составленные, вероятно, самим Мирек-Шахом от имени эмира Хайдара, потому что документов, исходивших от этого эмира, в сборнике немало. Хотя автор-компилятор этого любопытного сборника нигде в нем не назван, но зато упоминаются составители большинства имеющихся в сборнике актов: Мулла Захид „мунши", личный секретарь аштарханида Субхан-Кули-хана (1091/1680 — 1114/1702), Мухаммед-Тахир-Вахид, секретарь персидских шахов-сефевидов, Аббаса II (1052/1642—1077/1667) и Сулеймана (1077/1667—1105/1694)[1] и вышеупомянутый Мирек-Шах „мунши". Однако традиция бухарских мирз, по словам научного сотрудника Государственной публичной библиотеки УзССР тов. Адилова, всегда приписывала авторство этого сборника именно Мирек-Шаху; поэтому, вероятно, и на корешке переплета данной рукописи и на первой странице ее он обозначен как автор (Мунша-ат-и Мирек-Шах-мунши).

Список этого редкого, может быть, и уникального сборника переписан четким бухарским насталиком вкось идущими по странице строками; текст—в рамках из цветных линий; даты нет, но, судя по бумаге и палеографическим признакам, рукопись, повидимому, очень близка ко времени жизни эмира Хайдара. Сборник не имеет никакого предисловия и начинается письмом аштарханида Абдулазиз-хана (1055/1645—1091/1680) к индийскому „великому моголу" Аурэнг-Зебу (1069/1659—1119/1707). Начинается письмо с поздравления Аурэнг-Зеба с восшествием на престол, а оканчивается коротким прошением.

Сборник заключает 204 листа размерами 15,5 × 26,5 *см*.

До сих пор не опубликованное письмо эмира Хайдара к императору Александру I находится на л. 199 а-б; оно без даты и указания на печать, но, судя по содержанию, письмо написано после изгнания Наполеона из России и, следовательно, ко времени после 1815 г., когда Александр I вернулся из Парижа в Россию после полуторагодового отсутствия. Несомненно, о победе русского народа стало известно и в Средней Азии.

С точки зрения бухарской дипломатической стилистики, письмо составлено безукоризненно. Вначале идут так называемые алкаб'ы, т. е. титулы, эпитеты, уподобления и проч. императора Александра I; затем следует извещение эмира Хайдара о своем собственном состоянии, потом говорится, что до его сведения дошло известие о блестящем поражении русскими войсками „француза" и о захвате у него богатой добычи, чему он, эмир, очень рад. После этого уже излагается и цель, с которой направляется в Россию эмирский посланец и паломник в Мекку и Медину Мирза-Мухаммед-Юсуф „курчи-баши". В подобных письмах восточных потентатов не принято обращаться к адресату во втором лице единственного или множественного числа; относимые к нему местоимения заменяются указательным тот (ан), а глаголы, ради вежливости, ставятся во множественном числе. Все это соблюдено и в настоящем письме, как это видно из приводимого ниже перевода на русский язык.

„Его величество эмир Хайдар изволил написать русскому государю (следующее):

[1] Камус ал-А'лам, Сами-бея „Фрашери", том. IV, Константинополь, 1894, стр. 299.

Равный по положению Джемшиду[1], (коему) звезды (служат) войском, а солнце—головным убором, по ярости — Марс, по величию—Сатурн, по достоинству — Юпитер,[2] по проницательности—Меркурий, по талантливости—Венера, по величавости — Зевс[3], по могуществу—Заххак[3], по пышности — (Кей) Каус[4], по охранению (царства)—Дарий, по противостоянию (врагам — Хосров) Парвиз[5], обладатель счастья, завоеватель царств, владетель бесчисленных (боевых) колесниц, повелитель государств России, черкасских земель, Грузии и иных, наследственный монарх, Александр Павлович, да пребудете постоянно в добром настроении, в сердечном довольстве, в радости, в веселии и в упоении триумфом счастья и ликования!

Что касается нашего положения, то после беспредельных украшений, приличествующих всевышнему богу, и с помощью милостей, (проистекающих) от господнего совершенства, все способствующее к цветущему (нашему) состоянию и расцвету готово, и двери достижения (всего) желаемого и счастливого раскрыты на все шесть сторон[6] перед лицом жизненных обстоятельств вершителей судеб победоносного (бухарского) государства, и зеркало нашего сердца очищено от ржавчины горести и утомления, и все именитые мужи (всех) стран и концов (стали) подобны камню, оправленному в ушное кольцо раба, и набросили на плечи (нам) покрывала покорности и послушания.

Слышно, что француз, поднявши голову сопротивления, дерзко двинулся вперед и вступил в войну с тем высокородным домом, (но) случившееся от нападения русской армии постыдное поражение всех его опор (заставило) его предпочесть (всему) бегство, и он ушел сбившимся с пути и отверженным. И то убежище величия, очистивши подол платья богохранимого русского государства от пыли восстания и мятежа того сборища негодяев, изволили захватить множество добычи. На основании исконных уз дружбы, коими соединены два (наших) высоких государства, (у нас от сего) получилось полное удовлетворение.

В настоящее время мы отправили желающего совершить паломничество к обеим священным местам (Аравии), отмеченного верностью и расположением (к нам) и отличающегося добродетелями, Мирзу-Мухаммед-Юсуфа „курчи-баши“[7], который прежде ездил послом к высочайшему (вашему) двору и по прибытии был удостоен благосклонного и любезного (вашего) внимания,—он желает осуществить свою цель (паломничества), проехавши через Турцию (буквально Рум), и в то же время он домогается нечто получить (от русского правительства). Поскольку вышеупомянутый (Мирза-Мухаммед-Юсуф „курчи-баши“) направляется ко двору убежища мира, халифа (мусульман), и его надежды возложены на царственные милости (рус-

---

[1] Джемшид — мифический царь древнего Ирана, первый насадитель человеческой культуры, при котором якобы был золотой век человечества.

[2] Собственно, в тексте стоит Муштери — Юпитер, а так как выше для обозначения Юпитера стоит слово Бирджис, то мы, во избежании тавтологии, первое наименование перевели латинским „Юпитер“ а второе —эллинским „Зевс“.

[3] Заххак—мифический могущественный царь древнего Ирана.

[4] Кей-Каус—имя царя Ирана из баснословной династии кеянидов.

[5] Парвиз—персидский шах из династии сасанидов, правивший с 590 по 628 г. н. э.

[6] По представлениям мусульман, существует шесть сторон: направления вперед и назад, вправо и влево, вверх и вниз.

[7] В Бухаре XIX в. курчи-баши назывался один из высших военных чинов, начальник складов со взрывчатыми веществами.

ского монарха), то да соизволите дать (ему) милостивое разрешение на проезд, чтобы он с полным спокойствием достиг пределов (Турции). Сие обстоятельство послужит к вящему умножению (взаимных выгод), дружескому отношению и (тесному) единению (наших государств).

Во время смуты и мятежа, произведенных французом, киргиз-казахи, будучи в приграничных районах, подвластных России, воспользовались удобным случаем, разграбили товары (бухарских) купцов; среди них расхищен был и товар вышеназванного Мирзы на (сумму) в 1500 золотых. (Мы питаем надежду, что) заставивши накаэать казахско-(киргизские) скопища, источник высокого достоинства и величия со (всем своим) высочайшим авторитетом отдаст приказ приграничным правителям о возврате товаров упомянутого (Мирзы-Мухаммед-Юсуфа „курчи-баши“) и (прочих) купцов. Это обстоятельство станет способствовать распространению (вашей) доброй славы и явится причиною (взаимной) пользы и близкого единения (России и Бухары)“.

В доступной литературе по сношениям царской России с Бухарой за первую четверть XIX в. мы не нашли никаких указаний на приезд в Петербург бухарского посла Мирзы-Мухаммед-Юсуфа, однако в труде бар. Мейендорфа Voyage d' Orenburg á Boukhara fait en 1820 (Paris, 1826; p. IX, Preface de l'auteur) указывается, что „бухарские послы довольно часто приезжали в Санкт-Петербург. Тот, который прибыл в эту столицу в 1816 г., а затем в 1820 г., выразил от имени своего повелителя желание видеть в Бухаре русское посольство“. Можно предположить, что именно Мирза-Мухаммед-Юсуф приезжал в качестве посла в Петербург в первый раз в 1816 г., а во второй раз в 1820 г.; на это указывают и слова эмира в письме—„который прежде ездил послом к высочайшему (высшему) двору и по прибытии был удостоен благосклонного и любезного (вашего) внимания“.

Заявленное послом желание эмира Хайдара видеть в Бухаре русское посольство было, по словам бар. Мейендорфа, благосклонно принято Александром I. Царь „полагал, что приведение в исполнение предлагаемого проекта, возможно, будет способствовать не только наибольшему развитию и безопасности коммерческих сношений между двумя государствами“, но также поможет „получить точные сведения о совершенно еще неизвестных странах“. Вследствие этого Александр I назначил послом к бухарскому хану статского советника и секретаря посольства г. Негри, с которым направились „коллежский ассесор Яковлев, доктор Пайдер, хорошо известный натуралист, и три переводчика, которые должны были присоединиться к посольству в Оренбурге“[1].

Таким образом, вопреки словам Я. В. Ханыкова, что в 1820 г. „отправлено из Оренбурга русское посольство под начальством действительного статского советника Негри“,[2] в действительности посольство выехало в Бухару из Петербурга через Оренбург, будучи отправлено Александром I, а не оренбургским генерал-губернатором, как это можно заключить из слов Я. В. Ханыкова. Это посольство Александра I ставило целью не только укрепление торговых сношений

[1] Meyendorff, Le bar., Указ. труд, стр. 9—10.

[2] Я. В. Ханыков, Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства, в („Записках императорского русского географического общества“, кн. 5, 1850, стр. 61).

между Россией и Бухарой, как это определяет С. В. Жуковский[1] но и для „получения точных сведений о совершенно еще неизвестных странах".

Участнику этого посольства и автору французской книги о путешествии в Бухару, офицеру генерального штаба бар. Мейендорфу было поручено собрать сведения географического и статистического характера о тех странах и местностях, которые посетит посольство, а лейтенанты Вальховский и Тимофеев[2] были назначены в помощь Мейендорфу. В составе посольства был также и другой натуралист—Эверсман.[3] Посольство сопровождал из Оренбурга эскорт при двух полевых орудиях, в составе 200 казаков, 200 солдат и 25 башкир-кавалеристов; под багажом было 380 верблюдов, 400 лошадей были под людьми миссии.

Муравьев так описывает вступление столь внушительного состава русской миссии в древнюю столицу ханства:

„20-го декабря, в полдень, мы торжественно въехали в Бухару; впереди нас следовал отряд казаков с привезенными нами подарками, состоявшими из мехов, фарфоровых вещей, хрусталя, часов и ружей. Прочие казаки и часть пехоты замыкали шествие в пешем строю. Сановный узбек, персона чрезвычайно важная, в совершенстве говоривший по-персидски, ехал впереди посольства, чтобы ввести его во дворец.

Медленно подвигаясь со своим кортежем, мы проехали под большими воротами и затем, вступив в извилистую узкую улицу, окаймленную унылыми домами из земли, выехали, наконец, на большую площадь, окруженную мечетями и коллегиями или медресе, откуда мы и вступили в ворота дворца.

Сойдя на землю, мы поднялись по сводчатому корридору, сложенному из кирпичей; с каждой стороны его стояла шеренга солдат в числе около четырех сотен, вооруженных ружьями различного размера. Отсюда мы перешли в небольшой двор, потом в крытый проход, где находилось с десяток пушек без лафетов, и затем в четырехугольный двор, окруженный стенами, вдоль которых сидело три-четыре сотни бухарцев в белых чалмах и в халатах из золотой парчи. Повернув затем вправо, мы прошли в переднюю и, наконец, в приемный зал, где сидел хан на подушке, покрытой покрывалом из красного сукна, богато вышитого золотом. На полу был разостлан персидский ковер довольно посредственного качества; стены были отштукатурены гипсом, а потолок покрыт расписными дощечками.

Этот зал был вдвое длиннее своей ширины. Хан, сидевший подле стены, против внутренней двери, имел по левую сторону от себя двух своих сыновей, из коих старшему могло быть лет пятнадцать, а справа сидел куш-беги. По обеим сторонам двери находилось по пяти вельмож. Двое камергеров поддерживали г. Негри, который приблизился на десять шагов к хану и обратился к нему с речью на персидском языке, потом вручил свою верительную грамоту куш-беги и сел. Прочие члены миссии остались стоять против стены по обеим сторонам двери. Куш-беги немедленно поднес письмо императора хану; хан

---

[1] С. В. Жуковский, Указ. труд, стр. 102.

[2] Так названы эти лица у Ханыкова (Указ. труд, стр. 61) и у Жуковского (Указ. труд, стр. 102), а у Мейендорфа—„M. M. Volkonsky et Symostryri" (?).

[3] Курьезно, что С. В. Жуковский в свом труде (стр. 102, прим. 4), желая привести название немецкого описания этого посольства, сделанного Эверсманом, привел название описания путешествия Базинера в Хиву.

прочитал его громким голосом, затем попросил г. Негри заставить войти в переднюю несколько (наших) солдат, которым было приказано оставить свое оружие. Хан, увидя их, рассмеялся как ребенок, его фигура выражала нечто мало одухотворенное. Он был в возрасте 45 лет, имел красивую бороду, черные глаза и смуглый цвет лица; он казался изнуренным от гаремных наслаждений. На нем был чертый шелковый халат, украшенный драгоценными камнями, а на голове—муслиновый тюрбан, увенчанный эгретом из перьев цапли; золотой шнурок пересекал диагональю этот тюрбан, делал его похожим на калеви, церемониального парикмахера великого везира, капитана-паши и кизлар-агасия империи османов. Куш-беги и три других сановника носили вместо чалм цилиндрические колпаки с куньей опушкой. Церемониймейстер держал в руке что-то вроде алебарды, заканчивавшейся вверху серебряным топором. Подарки были перенесены для обозрения их ханом в другую комнату. Аудиенция продолжалась приблизительно двадцать минут. По ее окончании мы разъединились: находящийся вне дворца эскорт возвратился в Базарчи,[1] где он расположился бивуаком в одном из садов на оставшееся зимнее время; г. Негри и лица, состоявшие в миссии, были помещены в Бухаре в большом доме, принадлежащем куш-беги.

Мы оставались в этом городе с 20 декабря 1820 г. до 10 марта 1821 г. Время года было очень хорошее, и мы неоднократно ездили в Базарчи. Стоянка лагерем в садах этой местности казалась нам более привлекательной, чем пребывание в унылых домах Бухары".[2]

В этом описании торжественной встречи и приема русского посольства эмиром Хайдаром Мейендорф многое опустил, отчасти, повидимому, потому, что, попав в Бухару впервые, он на многие интересные моменты не обратил внимания, не считая их существенными, а отчасти потому, что, не будучи дипломатом или этнографом, вероятно, считал описание всех деталей приема излишним.

Любопытно, что письмо Александра I посол передал сначала куш-беги, а тот поднес его эмиру, тогда как раньше, в предшествующие столетия, письмо иностранной владетельной особы, привезенное послом, вручалось малому инаку (инак-и хурд); он вскрывал его и по приказанию хана передавал личному секретарю своего повелителя, так называемому мунши, который громким голосом зачитывал его содержание.[3] В данном случае видно значительное нарушение прежнего среднеазитского дипломатического канона.

Некоторые из отмеченных Мейендорфом деталей мы находим в описании приема эмиром Хайдаром, несомненно, того же посольства Негри, повидимому, в уникальной рукописи Института восточных рукописей АН УзССР за инв. № 1836 „История эмира Хайдара" (Тарих-и Эмир Хайдар).

Труд этот первоначально был написан в очень подробной редакции двумя авторами: муллой Ибадуллой и муллой Мухаммед-Шарифом, принадлежавшими, повидимому, к правящему классу и бывшими современниками эмира Хайдара и его сына и преемника эмира Насруллы (1242/1827—1277/1860). Этот труд был сильно сокращен неизвестным

---

[1] Базарчи (правильно Базарча-базарчик)—большое селение в 2 *км* от г. Бухары.

[2] Meyendorf., Указ. труд, pp. 84 - 87.

[3] А. А. Семенов, Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре, „Советское востоковедение" т. V, М.—Л., 1948, стр. 148—149.

автором, повидимому, также принадлежавшим к бухарскому чиновничеству, и он дошел до нас в этой сокращенной редакции, тогда как рукопись полного труда двух вышеупомянутых лиц остается неизвестною. В сокращенной рукописи, оканчивающейся смертью эмира Хайдара и написанной весьма простым языком в XIX в., судя по палеографическим данным и по бумаге, заключается 94 листа размером 17,5 ×30 *см*. Описанию встречи и приема русского посольства эмиром Хайдаром посвящена 69-я глава под названием „Рассказ шестьдесят девятый о прибытии посла русского царя в Бухару и о назначении в Катта-курган Нияз-бия". Из этой главы нами переведено на русский язык все, что касается русского посольства.

„Рассказчик говорит, что когда весть о прибытии в Бухару (русского) посла стала известна, народ толпами повалил посмотреть невиданное зрелище. И людей собралось столько, что и описать невозможно. И когда посол вступил на городскую территорию, то там, по обеим сторонам его пути, стояли целые ряды зрителей, тянувшиеся до ворот Абулхафса Кабира,—да почиет над ним милость Аллаха! Посол был весьма поражен необыкновенным стечением народа. Итак, приехав, он вступил в город; эмир (по сему случаю) спросил у духовенства столицы: „правильно ли будет встать нам перед послом (на приеме) или нет?" Духовенство на это ответило так: „пусть эмир прикажет кому-либо взять подмышку коран (л. 81-а) и следовать впереди посла; если эмир встанет со своего места, то лишь с целью оказать глубокий почет слову Аллаха, (а неверные, не зная сего, примут это за знак внимания к ним высокой особы эмира)". Эмиру понравилось предложение. В это время донесли, что посол вступил на Регистан, где порталы и стены (окружавших площадь) мечетей и медресе были переполнены любителями зрелищ. Посол уже появился в самом арке, как эмир приказал одному из придворных с кораном подмышкой идти впереди посла. Тот так и сделал. И когда эмир увидел против себя посла, он встал, и посол, тотчас приблизившись к эмиру, оказал ему знаки почтительности. Эмир указал ему место, а сам сел на свое. Послу был отведен эмиром в городе (целый) дом; к нему был приставлен (особый) уполномоченный (муваккаль), на обязанности которого лежала ежедневная выдача послу довольствия. Спутники посла остановились в месте, (называемом) Базарча. Так как русские люди имеют талант в искусстве изображения предметов (дар сан'ат-и тасвир), то они, перерисовав все лица сановников (эмиров) и духовенства, хранили (их у себя). Точно также (ими) были зарисованы арк, Регистан, Боло-и хауз и всякие (иные) предметы. Был сделан также портрет Муким-хана, потому что в то время (в Бухаре) было много красавцев, (а он был красавец из красавцев). В царствование эмира Насруллы этот Муким-хан ездил в качестве посла в столицу России и видел (там) свой портрет. В свое время об этом будет сказано особо.

Словом, этот (русский) посол жил в Бухаре в течение пятидесяти (дней или) более или менее. После сего он получил разрешение эмира следовать обратно. Для русского государя было дано множество вещей; вместе с послом был отправлен огромный слон (фил-и махмуди).[1]

[1] Имеется в виду, может быть, слон, присланный эмиру Хайдару в подарок афганским шахом Махмудом, который правил первый раз с 1215/1800 по 1218/1803 г. и вторично с /1224/1809 г. до 1233/ 1818 г. Но с другой стороны, ст. научный сотрудник АН УзССР Я. Гуламов указывает, что в узбекском языке г. Ташкента термином „Фил-и махмуди" обозначается огромный слон вообще.

От себя эмир также отправил в Россию посла, но на пути к себе русский посол умер, (и) эмиров посол, продолжая путь, выполнил требуемую государем франков службу, и оказал ему знаки соответствующего почтения, представил привезенные подарки, пропустив их пред глазами царя, который, увидев огромного слона, поразился, ибо подобного рода животных в России не было. Бухарскому послу было назначено императором (при аудиенции) определенное место и оказан полный почет".[1]

В этом описании бухарцем приема русского посольства обращает на себя внимание любопытный бытовой факт, под каким предлогом был соблюден акт международной дипломатической вежливости, когда эмир встал со своего седалища перед приблизившимся к нему послом и, несомненно, задал трафаретный вопрос о здоровье русского императора. Еще более интересным является то исключительное внимание эмира и бухарцев к русскому посольству, которое выразилось в совершенно беспримерном явлении, что художник или художники, бывшие в составе посольства, свободно зарисовали не только постройки на площадях и улицах столицы, но, страшно сказать!, даже сановников и представителей духовенства. Трудно поверить, чтобы даже в более позднее время, в период интенсивного проникновения русского влияния в Бухару при эмире Музаффаре, важные сановники и крайне фанатичные столпы бухарского духовенства позировали бы перед художником! О сообщаемом нашим источником факте ничего не говорят скудные и мимолетные упоминания о миссии Негри, не указывает на это и Мейендорф, хотя в его книге имеется четыре литографии, изображающие типы, бухарские постройки, из них три в красках, одна в обычной литографии. Мы не знаем, куда делись, несомненно, большой альбом подобных зарисовок и богатые иконографические материалы по Бухаре при эмире Хайдаре, вывезенные посольством в Россию. Об этом приходится искренне пожалеть, потому что все эти материалы представляют огромный научный интерес для этнографа, антрополога, архитектора и археолога. О том, что все эти материалы изобразительного порядка были целы, свидетельствует вышеприведенная рукопись, в которой ясно говорится, что ездивший в Россию посол Муким-хан видел в Петербурге свой портрет, когда-то исполненный в Бухаре художником русской миссии.

Ответ на это, вероятно, могло бы дать архивное дело об отправлении г. Негри послом в Бухару, но оно, насколько известно, никогда не было издано.

Наконец обращает внимание и самый тон описания бухарским летописцем прибытия в Бухару русского посольства: он весьма благожелателен, и не напрасно Мейендорф написал в своей книге, что „Наше путешествие было достаточно приятно, чтобы мы могли о нем сожалеть".[2]

Авторы „Истории эмира Хайдара" допустили в вышеприведенном описании ошибку анахронистического порядка: они говорят, что „на пути к себе русский посол умер".

„Александр Федорович Негри, дипломат и археолог, автор ряда статей, помещенных в разных органах научной мысли, происходил из старинной греческой фамилии; в 1806 г. прибыл в Россию с молдавским господарем Ипсиланти и остался в России на службе в

[1] В рукописи этот текст занимает л. 81[а-б].
[2] Meyendorf, Указ. труд, p. 82.

Министерстве иностранных дел. Умер он в 1854 г. семидесяти лет от роду".[1] Ошибка авторов, впрочем, извинительна, так как все то, что происходило за границами отдаленной Бухары, весьма часто доходило до нее в форме, не соответствовавшей действительности. Так и в данном случае: мог умереть кто-либо из лиц посольского эскорта, а до Бухары этот факт дошел в виде известия о смерти в пути самого посла.

Полученная послом от эмира в подарок рукопись исторического сочинения Мухаммед-Юсуфа „мунши" — „Муким-ханская история" (Тарих-и Муким-хани) была, по словам акад. Бартольда, „издана и переведена на французский язык профессором Сенковским". В действительности же Сенковский издал из этого труда более или менее обширные извлечения на 24 страницах с переводом их на французский язык с необходимыми примечаниями исключительно для учебных целей (как руководство для студентов III курса СПб университета на 1824 год, которое должен был проходить состоящий адъюнкт-профессором Мирза Джафар Тобчибашев). Нося французское заглавие Supplément á l'histoire genérale des Huns, des Furks et des Mogols, оно составляло прибавление к официальному изданию СПб университета „Объявление публичного преподавания наук в императорском санктпетербургском университете на сей 1824 год от исправляющего должность ректора и советника с присовокуплением дополнения ко всеобщей истории гуннов, турок и моголов. Соч. и. о. профессора восточной словесности Иосифа Сенковского" (СПб, 1824).

Но даже в этом хрестоматийно-учебном виде „Муким-ханская история" долгое время оставалась для европейцев единственным источником для истории бухарского ханства".[2]

Таким образом, на основании всего вышеизложенного, следует признать установленным фактом, что в первой четверти XIX в. Петербург посетило, по крайней мере, два бухарских посольства, во главе которых стоял один из высших офицеров эмира Хайдара Мирза-Мухаммед-Юсуф „курчи-баши", и этим опровергается догматическое утверждение Жуковского, (а с ним и других), будто „в сношениях с Бухарой того времени можно отметить лишь 1820 год, когда снаряжена была императорская миссия в Бухару для заключения торгового договора".[3]

УзССР Фанлар Академиясининг корреспондент а'зоси
А. А. СЕМЁНОВ

XIX АСРНИНГ БОШИДА РОССИЯ БЛАН БУХОРО ЎРТАСИДАГИ ДИПЛОМАТИК МУНОСАБАТГА ДОИР

Ўзбекистон Фанлар Академиясининг Шарқшунослик институтида сақланмоқда бўлган қўлёзма хатлар тўплами орасида автор Бухоро амири Ҳайдарнинг Александр I га ёзган, шу вақтгача нома'лум бўлган бир хатини топган. Бу хатда амир Россиянинг Наполеон I усти-

[1] Энциклопедический словарь, издание Брокгауза и Ефрона, том. XX, СПб, 1897, стр. 819. Некролог Негри составлен Мурзакевичем и помещен в „Записках одесского общества истории и древностей российских", т. IV, 1860.

[2] В. В. Бартольд, История изучения Востока в Европе и России, Изд. второе, Л., 1925, стр. 255.

[3] С. В. Жуковский, Указ. труд, стр. 102.

дан ғалаба қозонгани учун ўз мамнуниятини билдиради ва айни замонда амир томонидан юборилган элчи Мирза Муҳаммад Юсуф подшога тавсия этилади.

1820 йилда Александр 1 Бухорога статской советник Негри бошлиқ, кўп кишини ўз ичига олган бир ҳай'ат юборади. Автор бу ҳай'атнинг Бухорога етиб келишини ва уни қабул қилиш маросимини тасвир қилар экан, Мейендорфнинг француз тилидаги асаридан ҳам фойдаланади. Бундан бошқа автор шарқшунослик институтида сақланмоқда бўлган „Тарих—и—амир Ҳайдар" номли ягона Бухоро қўлёзмасидан ҳам фойдаланиб бу қабул маросимидаги турли дабдабаларни муфассал равишда тасвирлайди.